

МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА «БОЛЬШИХ КАМНЕЙ»

Палеолит, неолит — это эпохи существования человека, временные границы которых очерчены учеными главным образом из соображений специфики трудовой деятельности и образа жизни. Палеолит — это время охоты и собирательства, кочевого или полукочевого образа жизни. Неолит — время освоения человеком производства продуктов питания, распространения скотоводства, земледелия, переход к оседлости, начало керамической индустрии. Религия этих обществ была частью их бытия, судя по доле затрачиваемого на нее труда — частью важнейшей. И все же, рамками для изучения религии палеолита и неолита являются рамки социально-экономического бытия. У нас слишком мало данных, чтобы выявить в сколь-либо полной форме религиозную систему саму по себе. Впервые такая возможность предоставляется нам для последних тысячелетий неолита и начала эпохи металла.

Удивительно, но эту возможность дают не высокоразвитые неолитические сообщества Переднего Востока, не готовые вскоре заговорить на вечном языке письмен египтяне и шумерийцы, но обитатели холодных побережий Атлантического океана, жители Британских островов, Скандинавии, Бретани, Иберийского полуострова.

Мегалиты, то есть в переводе с греческого «большие камни», — это не какая-то новая технология изготовления орудий и не новые формы хозяйственной деятельности, но совокупность очень характерных памятников, дошедших до нас в большом количестве, всегда известных человеку в последующие за их возведением века, всегда будивших воображение, множивших догадки и домыслы о том, кто были их создатели и в чем были причины их трудов.

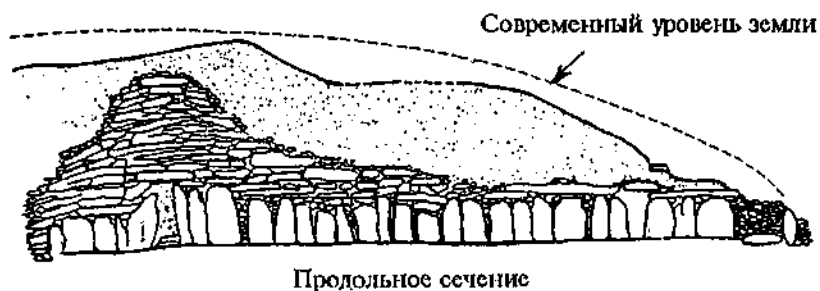
Мегалитами именуют довольно разнообразную совокупность объектов, возведенных по сходной технологии из необработанных или мало обработанных громадных камней весом до нескольких десятков тонн каждый. Поскольку мегалитические памятники бы-

ли первоначально исследованы и описаны в тех краях Европы, где сохранилось древнее кельтское население (бретонцы Франции; валлийцы, гэлы Великобритании, ирландцы), и потому что народная легенда связывала эти камни с древними кельтами, их отдельным разновидностям были даны кельтские названия. Всего же таких памятников в Западной Европе известно ныне до пятидесяти тысяч.

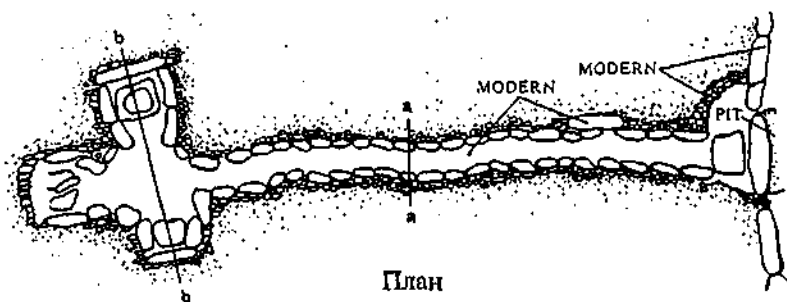
Дольмен (дол — стол, мен — камень) — это сооружение из нескольких вертикально врытых в землю каменных плит, на которые положен сверху монолит. Часто вход также загорожен огромной плитой или двумя плитами с маленьким отверстием круглой или эллипсообразной формы между ними. Например, знаменитый дольмен Сото около Севильи имеет длину почти 30 м. Вход в него загораживает гранитная плита в 3,5 м высотой и 3 м шириной при толщине в 70 см. Весит эта плита 21 т. Некоторые дольмены были настолько велики, что их еще недавно использовали как загон для стад коз и овец, другие — небольшие, в которых с трудом поместится один человек. Ныне дольмены большей частью стоят открыто, но когда они возводились, то они покрывались землей, над ними насыпались курганы.

Галерейные гробницы — иногда к дольмену пристраивали длинный коридор тоже из каменных, врытых в землю вертикально плит, перекрытых или монолитами или ложным сводом из больших плоских камней. Дольмен, к которому вел такой коридор, превращался в обширное помещение овальной или крестообразной формы, также перекрытое ложным сводом. Над таким каменным сооружением насыпался громадный курган. Например, расположенный в долине реки Бойн (Ирландия) расползшийся курган Ньюгрэйндж (Newgrange) имел длину почти 40 м, а высоту внутренней сводчатой камеры — 7 м. Иногда, например, на Оркнейских островах (Шотландия), курганы имеют форму длинного вала, расширяющегося на концах. Коридор и камера часто составляют в длину только 1/6 — 1/8 часть такого кургана. Там, где ветры сдули за тысячи лет земляной покров, галерейные гробницы кажутся случайному глазу просто грудой хаотически набросанных камней, но специалист легко различает, что это сложная постройка.

Менгир (мен — камень, гир — длинный) — специально врытые в землю, вертикально стоящие камни то в одиночку, то большими группами, являются кое-где на атлантических побережьях Европы чуть ли ни обычным элементом ландшафта. Во Франции насчитывается до шести тысяч менгиров, в том числе в одном департаменте южной Бретани — Морбиан — 3,5 тысячи. Крупнейший из известных менгиров Мен-ен-Хрех (близ Локмариакёр), упавший

Продольное сечение

План

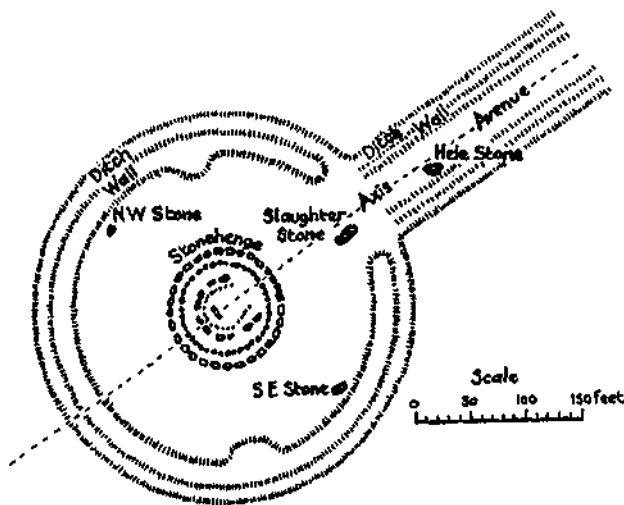
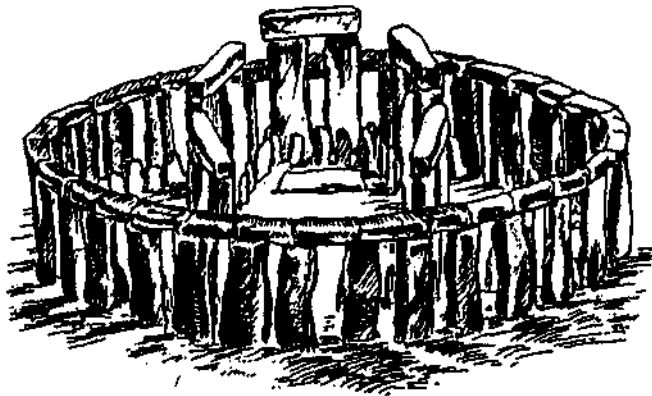
Сечение через камеру

Сечение через коридор

Курган и галерейная гробница в Ньюгрэйндж

от землетрясения и расколовшийся на пять частей, имел двадцать метров высоты. Обычная высота менгира 4—8 м. Во Франции и Англии есть места, где менгиры стоят рядами по несколько сотен. Самая знаменитая «аллея менгиров» в Карнаке (Сагпас, Франция) одиннадцатью рядами протянулась с запада на восток на четыре с четвертью километра и включает 2935 «длинных камней». «Аллея» в Менеке состоит из одиннадцати рядов завершающихся на западе кругом камней и всего насчитывает 1169 менгиров. Буквально в 200 м от Менека более, чем на километр протянулась «аллея» Кермарио с десятью рядами менгиров (всего 1029). К западу от нее просматриваются также следы кольцеобразной группы камней. В 400 м к северо-востоку от Керма-

Стоунхендж — реконструкция и алан

рио находится третья «аллея» — Керлескан, включающая 555 менгиров, построенных в 13 рядов по 900 м. На Западе 39 менгиров также образуют полукруг. Одна «аллея» имеется и в Англии. Это Эшдоун, где 800 менгиров стоят рядами в неправильном параллелограмме со сторонами 250 на 500 метров.

Круги менгиров называются кромлех (кром — круг, лех — место). Они с запада, а иногда и с востока завершают аллеи менгиров. Иногда они стоят сами по себе. Особенно примечательны английские кромлехи — Вудхендж, Эйвбюри, Амингхолл, Аболло и, разумеется, всемирно известный Стоунхендж (Stonehenge) близ Эмс-

бюри на равнине Солсбери (Уилтшир). Археологи обнаружили вокруг Стоунхенджа сложные земляные сооружения, остатки которых заметны на пространстве в несколько сотен метров. Но главным памятником этого удивительного кромлеха являются стоящие кругом циклопические прямоугольные монолиты. 30 таких камней по четыре метра в высоту каждый, располагались кругом диаметром в тридцать метров. По их верху шел сплошной архитрав из таких же почти громадных плит. Четыре из них лежат до сего дня так, как были положены тысячи лет назад. Внутри этого круга идет еще один круг меньших менгиров, а они окружают подковообразную фигуру из пяти громадных П-образных конструкций высотой в 3,5 метра. Внутри опять подковой стоят небольшие менгиры, а завершает сооружение плоский алтарный камень пять метров длиной, метр шириной и полметра толщиной. Вся постройка выполнена из прекрасного серо-голубого гранита, который пришлось доставлять километром за 250, из Пембрукшира (Уэльс), с гор Преселли. Это причудливое сооружение среди полей уютной обустроенной Англии с редкой силой напоминает о том, что смыслы человеческой деятельности далеко не всегда совпадали с нынешними, но не менее современного европейца его древний предок действовал целеустремленно и созидал не жалея сил. Только для чего созидал?

На острове, расположенном на другом конце Европы, на Мальте, лежащей между Италией и Тунисом, и издревле прозванной *Isola Sacra* — священный остров — имеются также уникальные и ни с чем не сходные мегалитические сооружения. Это — храмы. Они воздвигнуты из таких же, как и дольмены, громадных монолитов, но не гранита, а известняка, вертикально врытых в землю. Сверху, судя по найденным рядом глиняным моделькам, они были перекрыты исчезнувшими ныне крышами. Храмы, как правило, состояли из двух вытянутых овальных залов, соединенных друг с другом, и с выходом-коридором, дальний зал по оси коридора-выхода имел полукруглую обширную нишу — «алтарь». В залах и в алтаре стоят камни жертвенников, иногда кубической, иногда колоннообразной формы. Здесь же найдены и остатки больших статуй сидящих очень толстых женщин, формами, безусловно, напоминающих «венер» верхнего палеолита. Храмы эти порой велики. Так, условно поименованный по соседней деревне, Тарксиен (Tarxien) Центральный имеет длину 23,1 м, ширину — 18,6 м. Камень жертвенника в Тарксиене Южном высотой 1,15 м украшен рельефом типично средиземноморского орнамента в виде спирали. Примечательно, что входы в эти обширные постройки часто крайне малы. Например, в подземный храм Халь Сафлине вело отвер-

стие 1 м на 0,4 м, в которое нужно было протискиваться чуть ли не ползком¹.

К числу мегалитических монументов относятся и циклопические, построенные из плохо обработанных глыб «в сухую» башни Корсики и Сардинии — нураги и торри.

Мегалитические постройки задают нам несколько загадок, не разрешенных до конца и по сей день. В чем смысл этих огромных и страшно трудоемких построек? Когда были возведены они и кем? Почему эти памятники встречаются практически по всему миру, не только в Европе, но и у нас на Кавказе, и в Индии, и на островах Индонезии, и в Океании, но всегда рядом с морем. Чем дальше от морского берега, тем меньше становятся их размеры, а на расстоянии нескольких десятков километров вглубь суши они и вовсе исчезают.

Некоторые примитивные народы Юго-Восточной Азии до начала XX века возводили типичные мегалиты — дольмены и менгиры. На острове Ниас (близ западного берега Суматры) чиновник голландской колониальной администрации Е.Е.В.Г. Шредер заснял в 1907 году на киноленту возведение дольмена на могиле вождя.

Говорит ли это о том, что мегалитическая культура имеет несколько центров возникновения и не связана с какой-то одной цивилизацией или с одной эпохой? Или же мы ничего не знаем о некоей древней культуре навигаторов и строителей, в незапамятные времена распространивших свои формы религиозных представлений почти по всем побережьям? Кое-где передаваемая от народа к народу древняя эта традиция возведения «больших камней» дошла до наших дней, хотя, надо думать, нынешние строители дольменов могут объяснить первоначальный смысл действий своих учителей не больше, чем хозяйка, пускающая в новый дом прежде людей кота.

Кому только не приписывалось создание мегалитов! И атлантам, и «истинным арийцам» (нацистская идея) и египтянам. Все эти домыслы остаются совершенно произвольными, и покров таинственности так и не снят с мегалитической цивилизации и ее создателей.

¹ *J.D. Evans. The Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands. A. Survey. London: Athlone Press, 1971; I.F.G. Ferguson. The Prehistoric Parish Temples of Malta // Journal of Mediterranean Studies, 1991. — Vol. 1, № 2. P. 286—294; D. Trump. Megalithic Architecture in Malta // The Megalithic Monuments of Western Europe. L.: Thames & Hudson. 1983.*

КТО И КОГДА СОЗДАЛ МЕГАЛИТИЧЕСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Эти огромные камни люди видят на протяжении тысячелетий, но уже для греков и римлян, осваивавших западные побережья Средиземного моря и атлантические взморья Европы, они были памятниками седой старины, о которых местные варвары рассказывали разные небылицы. В конце XIX века в европейской науке установилось мнение, не колеблемое до середины 1960-х годов, что мегалиты были вдохновлены заупокойными комплексами великих цивилизаций Месопотамии, Египта, Малой Азии и Ханаана. Из Восточного Средиземноморья такие памятники постепенно распространились до Иберийского полуострова и Северной Африки, а затем, во II тысячелетии до Р.Х. достигли Британских островов и французской Бретани. В I тысячелетии до Р.Х. они были восприняты жителями Южной Скандинавии, Северной Германии и Ютландии. Первоначально возводились, думали ученые, небольшие скальные гробницы, там, где пещер не хватало, гробницы достраивались из грубых каменных плит и лишь много позже европейцы освоили сложные сооружения вроде Стоунхенджа или Ньюгрэйнджа, храмы мальтийского типа.

Только в 1963 году блестящий знаток мегалитов Глин Даниэл высказал мнение, что гробницы Италии и Сардинии моложе мегалитических комплексов атлантической Европы, а, следовательно, мегалитическая культура Западной Европы не пришла из Средиземноморья, но возникла самостоятельно. Применение усовершенствованных методов радиоуглеродного анализа (C^{14}) не только подтвердило эту гипотезу Даниэла, но и обнаружило, что основные ансамбли Бретани и севера Иберийского полуострова, а также курганы Ирландии возводились в VI—IV тысячелетиях до Р.Х., в то время как Средиземноморские ансамбли — в IV—III тысячелетиях. Оказалось также, что все основные типы мегалитических памятников создавались одновременно, причем некоторые сложные кромлехи и храмовые комплексы (Алаприайа близ Лисабона), были воздвигнуты ранее более простых сооружений².

Значение этого открытия огромно. Мегалитическая цивилизация оказалась не заимствованной из «Плодородного Полумесяца», но самостоятельно возникшей на крайнем западе Европы в IV—V тысячелетиях до Р.Х. Что-то побудило небогатых земледельцев и рыбаков атлантических прибрежий отказаться от старых, достаточ-

¹ G.E. Daniel. *The Hungry Archaeologist in France*. L., 1963.

² S.J. de Laet. *La prehistoire de l'Europe*. Bruxelles, 1967. P. 67.

но простых форм религиозной жизни и с напряжением всех сил начать возводить громадные комплексы из гигантских камней. Нам так трудно считать, что духовный переворот может случиться в народе, что всегда легче объяснить резкую перемену строя жизни заимствованием или вторжением иноплеменников. Но также точно, как промышленная революция XVII века произошла в Европе из-за развития внутренних свойств самих европейских народов, и «мегалитическая религиозная революция» не явилась, как видится теперь, следствием рецепции культовых форм, но оказалась проявлением заложенных в самих атлантических народах потенций.

Кто же был строителем мегалитических комплексов? «На Атлантическом побережье, в Северной и Центральной Португалии циклопические каменные гробницы строились, в этом нет никаких сомнений, зажиточными крестьянами» — указывает Дж. Марингер¹. Тщательный археологический и палеоэкономический анализ последних десятилетий, в частности исследования Колина Рэнфрю², показали, что природные условия главных мегалитических районов Западной Европы были суровы, а трудоемкость даже простого воспроизводства пищи — высокой. Хотя семь тысяч лет назад климат Европы был теплее нынешнего, все же сам характер почв свидетельствует о невысоком плодородии приморских долин. Нехватку хлеба отчасти компенсировала рыбная ловля и охота, но полагать неолитических земледельцев Ирландии или Бретани богатыми было бы очень большим преувеличением. Тем более что меновая торговля, в те века уже процветавшая на Ближнем Востоке, здесь вряд ли была развита. Ничего исключительного, ценного для иных краев северо-запад Европы не производил, а от основных центров богатства удален был весьма значительно.

Работа ученых на богатом мегалитическими галерейными гробницами шотландском острове Арран и в Южной Швеции выявила, что строители мегалитов жили хуторами, организованными в территориальные общины, объединявшие от 50 до 500 человек. Расположенные в местах схождения нескольких участков пахотной земли гробницы по всей вероятности являлись коллективным могильником соседской общины. Жители Аррана и иных атлантических районов Европы не были объединены в то время никаким образованием государственного типа. Это были именно хуторские соседские общины, которые вели натуральное хозяйство.

¹J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man. P. 159.

²C. Renfrew. Megaliths territories and population // Acculturation and Continuity in Atlantic Europe. Brugge: De Tempel. 1976. P. 205.

Колин Рэнфрю подсчитал, что при неолитических технологиях для возведения самой скромной галерейной гробницы затрачивалось 10 тысяч человеко-часов. Более крупные сооружения, обслуживавшие несколько общин, требовали десятикратного увеличения усилий, а такие ансамбли как Стоунхендж или Ньюгрэндж обошлись неолитическим земледельцам в 30 млн. человеко-часов каждый.

Хотя кромлехи Англии, курганы Ирландии и бретонские «аллеи менгиров» создавались веками, если не тысячелетиями, они все равно требовали объединения усилий десятков тысяч людей. А так как государство, способное направить силы своих подданных в нужном направлении, отсутствовало, то действовал какой-то механизм социальной самоорганизации. Видимо, Стоунхендж и Ньюгрэндж имели такое значение для сотен английских или ирландских соседских общин, что они добровольно участвовали в их строительстве, безусловно, в ущерб своему бытовому благополучию. Ведь мы порой забываем, живя в громадном безличном государстве, что в то далекое время труд и продукт труда зримо соединялись. Потратил лишний день на вспашку поля — больше поднял земли и больше собрал урожай. Вышел еще раз в море — наполнил пару бочек соленой рыбой. Когда строители мегалитов, в ущерб своим продуктовым запасам, предпочитали вспашку полей и рыбалке таскание многотонных гранитных глыб и копание рвов святилища, часто отстоящего к тому же за сотни километров от их жилья, — они делали нелегкий, но очень характеризующий их выбор.

Долгое время ученые, изучающие мегалитическую цивилизацию, не могли разрешить и такую загадку — где жили строители кромлехов и дольменов. Ничего даже отдаленно напоминающего грандиозностью эти культовые постройки и предназначенного для жилья не удавалось найти. Если люди так умело строили каменные гробницы, то где каменные основания их домов, загонов для скота, сенных сараев? Ничего подобного археологи не нашли и по сей день и, скорее всего, не найдут никогда. Но тщательные изыскания последних десятилетий с применением совершенной техники позволили все же отыскать жилье создателей культуры «больших камней». Жилье это оказалось на редкость убогим. В Южной Скандинавии Стрёмберг в 1971 году нашел в Хагестаде (Скэн) следы от обуглившихся в болотистой почве свай. Это были единственные остатки жалких свайных хижин, в которых ютились строители мегалитов¹. Не более основательными оказались и жи-

¹ *M. Sahlins. Stone Age Economics. L. 1972. P. 97.*

лища рыбаков Аррана. Хутора или деревни вокруг бретонских «аллей менгиров», кажется, так до сих пор и не найдены. А о создателях мальтийских мегалитических святилищ Дж. Марингер писал: «Самым удивительным у этих неолитических островитян была, кажется, сила их веры. Хотя сами они вне всяких сомнений ютились в жалких хижинах из плетеных циновок, которые вскоре разрушались и исчезали без следа, они возводили громадные храмы, циклопические стены которых сохранились и по сей день». Еще более Марингер бы удивился, когда узнал, что мальтийские храмы построены были тысячи на две лет раньше, чем думал он и все его коллеги в 1950-е годы, и притом на их строительство никак не повлияли ни Египет, ни Шумер, где тогда ничего подобного еще не строили.

«Даже простые дольмены, — пишет он в другом месте своего исследования, — обнаруживают затраты сил и материалов, намного превышающие все необходимое в отношении мертвых. Такие затраты не могут быть убедительно объяснены из того факта, что эти дольмены, галерейные и купольные гробницы являлись общинными склепами. Невозможно объяснить их за редчайшими исключениями и непомерным честолюбием отдельных богатых родов. Поражает то, что, возводя величественные жилища своим мертвецам, они и не думали строить что-либо подобное для нужд живых».

Но кто и когда убедительно объяснил *какие* затраты для умерших разумно делать живым? Священник Джордж Барри, написавший в начале XIX столетия книгу истории Оркнейских островов, расположенных к северу от Шотландии и также богатых мегалитическими памятниками, считал, что создатели этих сооружений «почти до безумия были воспламенены причудливым духом их религии». Но, наверное, с точки зрения строителей стоунхенджей, современные европейцы, далекие их потомки, показались бы им не менее безумными, когда все силы своих рук и воли они вкладывают в обустройство временного, земного существования, стараясь вовсе забыть о неизбежности смерти и отщипывая для умерших только жалкую толику тех средств, какие тратятся на прихоти живых.

«В мегалитических культурах Средиземноморской и Западной Европы, — пишет Мирча Элиаде, —... поселения не превосходили размеров деревни. Мегалитические «города» (the cities) на Западе

¹ J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... P. 156.

² Op. cit. P. 165.

³ Revd. George Barry. History of the Orkney Islands. Edinburgh, 1805. P. 102.

в действительности возводились для умерших — это были некрополи»¹.

Чтобы понять религию мегалита мы должны представить себе строй сознания очень несходный с нынешним. Люди с глубочайшей древности искали связи с Богом и путей победы над смертью, но здесь, на атлантических побережьях Европы, шесть—семь тысяч лет назад они по непонятным для нас причинам вдруг с особой ясностью осознали, сколь непроста эта задача. Они усомнились в привычных ритуалах и жертвоприношениях. Они почему-то сочли, что того, что делалось раньше, совершенно недостаточно для уверенности в хорошем посмертном бытии. Они поняли, что труды для вечности следует многократно умножить, пренебрегая удобствами этой жизни. Вряд ли мы когда-либо достоверно узнаем, что стало причиной этой духовной революции, но она быстро охватила обширные пространства атлантических побережий Европы, Северозападную Африку, сначала Западное, а потом Восточное Средиземноморье, берега Черного моря.

Судя по тому, что круг бытовых археологических находок очень разнится в отдельных частях этого мегалитического мира, можно с большой долей уверенности предположить, что мы в данном случае имеем дело не с колонизацией одним народом — «строителем мегалитов» обширных пространств Старого Света, но с распространением суммы религиозных идей среди многих племен и культур.

Возникнув где-то на западе Европы, убеждения, связанные с резким возрастанием трудоемкости религиозных, особенно заупокойных ритуалов, распространились на очень большой территории. Процесс этот сравним с движением идей всемирных религий. Если археолог далекого будущего раскопал бы древний Новгород, Кёльн и Йорк он повсюду столкнулся бы со сходной картиной — один громадный каменный комплекс, безусловно, религиозного предназначения, некоторое число подобных же, но меньших размеров, комплексов, и море недолговечных и неказистых жилых построек. Он бы ошибся, если бы счел все эти ансамбли делом рук одного народа, но он был бы совершенно прав, когда бы решил, что люди, их возводившие, вдохновлялись идеями, нашедшими из единого источника, и что они одинаково предпочитали усилия в религиозной сфере житейским трудам.

Если бы такому археологу пришлось раскапывать современные Чикаго, Петербург или Милан, он конечно бы и здесь нашел постройки «культового назначения», но они бы совершенно теря-

¹ *M. Eliade. HRI, Vol. I. P. 126-127.*

лись среди многоэтажных домов, шикарных вилл, стадионов и театров. И ученый будущего будет совершенно прав, если сделает вывод, что через 600—800 лет после Новгорода и Йорка представления европейцев претерпели глубочайшие изменения и теперь, заботливо охраняя свои религиозные памятники, они направляли основные силы на обустройство этой, «посюсторонней» жизни.

Когда мы исследуем цивилизации далекого прошлого, не оставившие письменных свидетельств, то сами камни порой убедительно говорят, во что верили и чем жили их строители. «Большие камни» мегалита, безусловно, утверждают, что мощнейший религиозный подъем имел место в Европе и прилегающих к ней землях в VI—IV тысячелетиях до Р.Х.

Процесс этого религиозного подъема между тем не захватил все народы Европы. Почему-то он плохо распространялся вглубь материка. Жители Средней Германии, обитатели свайных построек швейцарских озер, земледельцы придунайских равнин остались к нему равнодушны. Подчас даже на маленьком пространстве можно зафиксировать границы зоны распространения мегалитической культуры. Так, в Южной Швеции, на островах и балтийских берегах Ютландии из ледниковых валунов возводили циклопические постройки, а рядом, в Западной и Центральной Ютландии продолжали хоронить «по старинке» в обычных копанных могилах, нисколько не считая нужным умножать труды для своего и своих соплеменников надежного посмертного существования.

Но в чем же была суть этой «новой веры»? Зачем, пожертвовав частью урожая и удачными охотами, потеряв, кажется, всякий интерес к обустройству своей земной жизни, начали европейцы ворочать многотонные глыбы гранита и известняка?

ЗАЧЕМ ВОЗВОДИЛИСЬ ПОСТРОЙКИ ИЗ «БОЛЬШИХ КАМНЕЙ»

Ныне никто не сомневается в том, что мегалитические постройки как-то были связаны с заупокойным культом. Но современному исследователю кажется неправдоподобным, что один этот круг идей мог вдохновить людей на такие грандиозные работы. Слишком уж это несходно с нашей нынешней шкалой ценностей. Даже такой крупнейший специалист по мегалитической археологии как Калин Ренфрю, в юности дававший клятву, что он раскроет тайны создателей «больших камней», через много десятилетий после того юношеского порыва вполне прозаически писал: «Совершенно ясно, что многие из памятников мегалита имели отношение к нуждам

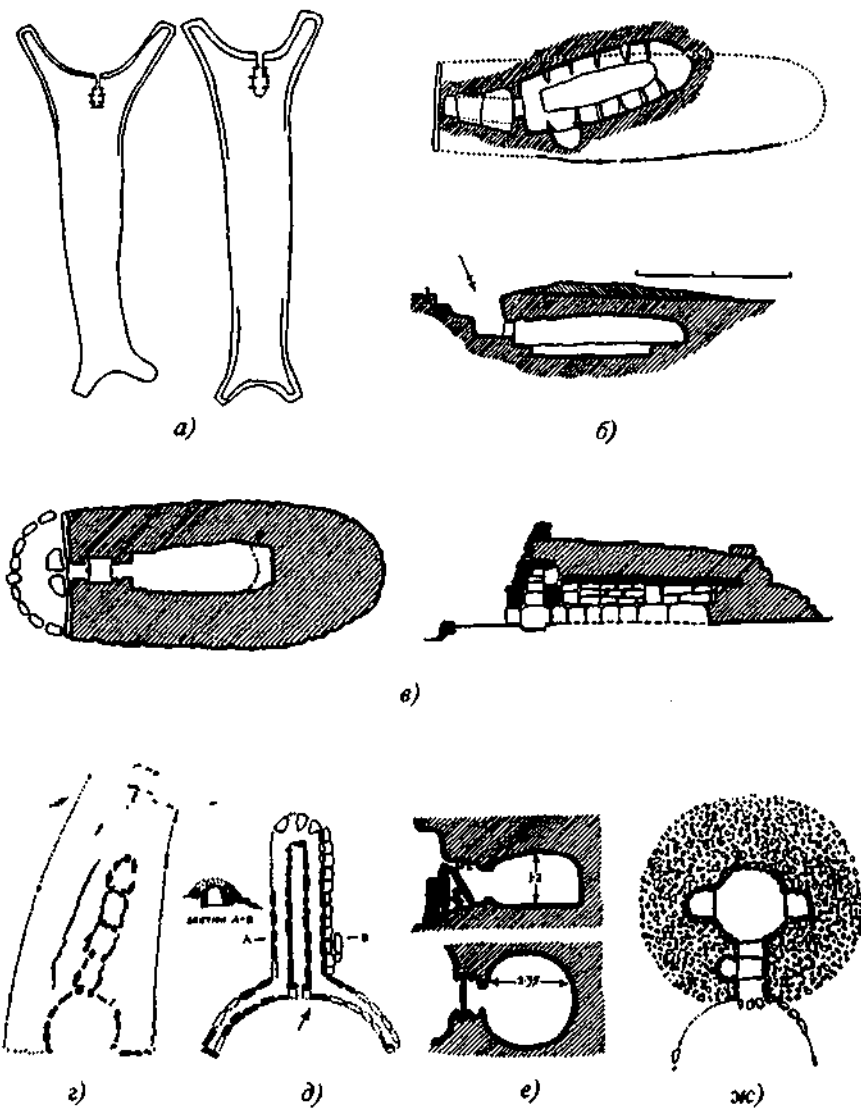
мертвых, но мы не должны считать, что это предназначение было для них главным. Можно, если к тому имеется желание, удовлетворить нужды мертвых и не строя для них огромные гробницы. Нельзя считать, что все эти сооружения имели одинаковое назначение и использовались сходным образом»¹.

А между тем сами данные археологии говорят против выводов признанного ученого. Но при том неверно считать все мегалитические сооружения просто гробницами. Могильники, склепы доминируют среди них, но есть немало монументов, где не обнаружено останков людей. Например, «аллеи» менгиров сохраняют следы жертвоприношений, но захоронения под менгирами и около них, как правило, не встречаются. Другое дело, что «аллеи» эти ведут к находящимся недалеко мегалитическим гробницам и курганам. Надземные храмы Мальты также не являлись склепами. В них нет захоронений, но близ них имеются подземные святилища (гипогей — от греч. ὑπόγειος — подземный), полные человеческих останков. Например, в знаменитом гипогее Халь Сафлиени (Hal Saflieni), близ деревни Тарксиен, в подземных залах, приделах и в естественных пещерах, в которые незаметно переходит рукотворное святилище, обнаружены кремированные останки приблизительно семи тысяч человек и множество черепков от преднамеренно разбитой во время исполнения заупокойных ритуалов посуды. «То, что храм был устроен под землей, дает основания предположению, что здесь совершались культы хтонических (от греч. χθόνιος — земной) сил» — отмечает Марингер².

Мы знаем, что многие ныне возвышающиеся над землей мегалитические сооружения, например дольмены, первоначально были скрыты под насыпными курганами. Есть гипотеза, впрочем достаточно неправдоподобная, что даже такие грандиозные кромлехи, как Стоунхендж, являлись когда-то подземными святилищами, скрывавшимися под искусственными холмами. Но даже без этого крайнего предположения безусловно ясно, что Стоунхендж и подобные ему памятники были связаны с культом мертвых. Они всегда расположены среди древних кладбищ, их окружают курганы родовых склепов. Кроме того, на урнах, использовавшихся для хранения кремированных останков, извлеченных из курганов II тысячелетия до Р.Х. в Ландиссильё (Пембрукшир, Уэльс) и Кулхилл (Ирландия) имеются изображения кромлехов, похожих на Стоунхендж.

¹ C. Renfrew. *The Megalithic Monuments of Western Europe*. L, 1981. P. 9.

² J. Maringer. *The Gods of Prehistoric Man...* P. 158.

Типы мегалитических гробниц:

a) воспроизводящие в плане кость «длинные курганы» Оркнейских островов (Саус Ярроу, конец IV тыс. до Р.Х.); *б)* вырубленная в скале гробница (о. Мальорка); *в)* частично вырубленная в скале, частично достроенная из каменных глыб гробница (о. Менорка); *г)* многокамерная пирамидальная гробница (Северная Ирландия); *д)* «Гробница гигантов» (о. Сардиния); *е)* вырубленная в скало гробница (Кастелуччо); *ж)* ложносводчатая гробница (Лос Милларес)

Но, с другой стороны, даже типичные курганы, «дома мертвых», как именуют их нынешние обитатели Англии и Ютландии, имели в прошлом обширные надземные сооружения. Археологи обнаруживают ямы от мощных опор по краям курганов, следы бревенчатых стен и каких-то сложных сооружений, видимо — надземных святилищ. Ансамбли строились так, чтобы они были видны издали¹. Ирландский Ньюгрэндж сверху был даже обсыпан кварцем и верно сиял на солнце, подобно громадному «космическому яйцу». Над гипогеем Мальты возвышался ныне почти разрушенный надземный храм.

Надземная и подземная ритуальная практика или объединялась одним комплексом или осуществлялась по соседству. И в этом нет ничего странного. Ведь заупокойный ритуал и погребение для религиозно настроенного ума есть не самоцель, но только средство преодоления смерти, победы над ней. Судя по громадности заупокойных комплексов, жители мегалита считали такую победу над смертью делом очень нелегким, но они уповали на вечную жизнь, на восстание из мертвых и потому соединяли свои гробницы и курганы с храмами, устремленными к небу. Смерть и воскресение были для них двумя актами единой драмы.

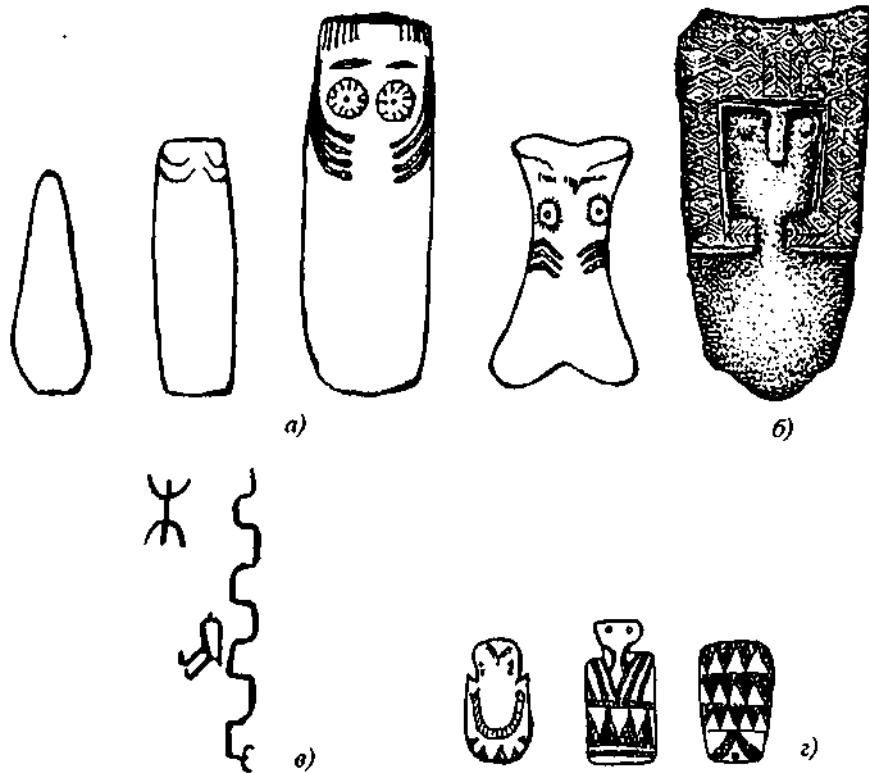
Но если храмы и ограды строились не только из камня, но, там, где это было проще, — из дерева, то в заупокойных сооружениях безусловно предпочитался камень. Монументальные «вечные» захоронения должны были стоять до конца времен. Поэтому их строят навсегда. Жилища же живых временны и непрочны, как сама наша земная жизнь. До нас от эпохи мегалита дошло то, что предназначалось мертвым, то есть вечности. Хорст Кирхер² как-то заметил, что менгиры возможно считались заместителями тела, в них могли воплощаться души умерших. Камень становится символом вечности человеческой личности. Он неразрушим. Он не подвержен гниению и распаду. До конца времен, пока не произойдет телесное воскресение, ожидая его и даже символически реализуя его во времени, ставили, может быть, древние жители атлантических побережий огромные камни, составляли из них ряды «аллей».

Однозначного объяснения смысла воздвижения менгиров не существует, но то, которое предложил Х. Кирхер и на египетском материале подтвердил Джордж Огдон³, кажется наиболее правдо-

¹ M. Dames. The Silbury Treasure. L., 1976.

² H. Kircher. Die Menhire in Mitteleuropa und der Mcnhirgedanke // Abhandlungen der Akademie in Mainz, Geistes — und Sozialwissenschaftliche Klasse. 1935. S. 609-816.

³ J. Ogdon. Some Reflections on the meaning of the «Megalithic cultural expressions» in Ancient Egypt // Varia Egyptiaca. San Antonio (Texas). 1990. Vol. 6. P. 18.

a) «Круглые идолы». Мегалитическая культура Иберийского полуострова; *б)* портретный менгир (Южная Франция, департамент Буш-дю-Рон, Лори-Пунвер); *в)* змея и предок рода. Рисунок на менгире (Saint Micaud, Франция); *г)* «Плоские идолы» (Иберийский полуостров, IV тыс. до Р.Х.)

подобным. Менгиры — это неразрушимые тела умерших; дольмены, гробницы, курганы — их обиталища до конца веков, до момента окончательной победы над смертью. Эти рукотворные каменные склепы наследовали естественным пещерам палеолита, которые имели, должно быть, такое же символическое значение. Ведь переходной формой к мегалитической гробнице от пещеры стали каменные расселины скал, которые на Иберийском полуострове и островах Западного Средиземноморья (Балеары, Корсика, Сардиния) накрывали крышей из каменных плит, закрывали плитой вход и, таким образом, превращали в склепы, в которых покоились десятки умерших¹ (см. рис. на с. 155).

¹ J. Mannger. The Gods... P. 166.

В мегалитических захоронениях атлантической зоны и рядом с могилами в средиземноморской зоне находят маленькие цилиндрические или конические камни, часто с нарисованными круглыми глазами и с геометрическим орнаментом. Эти, так называемые, «круглые идолы» должно быть, являлись заменителями настоящих менгиров и служили тем же целям воплощения душ умерших в неразрушимое тело. Переходной формой от настоящих менгиров к могильным «круглым идолам» скорее всего являются небольшие, 20—25 см, «статуарные менгиры», на которых имеется схематическое изображение человеческого лица в геометрическом орнаменте (см. рис. на с. 157).

Итак, «большие камни» дают нам основания предполагать, что с их помощью древний человек надеялся преодолеть разрушительные силы времени. Но было ли такое сохранение самоцелью?

Сэр Джеймс-Джордж Фрезер, ссылаясь на А. Круита (A.C. Kruijt), рассказывает следующее индонезийское предание. Первой паре людей Бог дает на выбор два дара — камень и банан. Люди немедленно выбрали банан и совершенно равнодушно отнеслись к камню. И тогда они услышали голос с неба: «Вы избрали банан, и потому ваша жизнь будет подобна жизни этого плода — уязвима и кратковременна. Если бы вы избрали камень, ваша жизнь уподобилась бы жизни камня, неизменного и вечного». Кажется, строители мегалитов всеми силами пытались исправить ошибку первых любителей бананов.

«ДОЛЖНО ВАМ РОДИТЬСЯ СВЫШЕ»

Еще в эпоху верхнего палеолита внутренние части пещер, в которых устраивали святилища, красили охрой в красный цвет. Это цвет крови, жизни, возрождения. Ведь тем же красным порошком охры посыпали тела умерших и основания жертвенников. Красный цвет с тех пор навсегда закрепился в религиозной символике, как цвет потустороннего мира. Но сами пещеры, окрашенные охрой, тоже являлись символом — они отображали утробу земли. В неолитических культурах Юго-Восточной Европы и Переднего Востока захоронения, как мы помним, часто совершались в яйцеобразных могильных ямах или в сосудах (пифосах) для хранения зерна. И то и другое символизировало матку, место, где из капли семени вырастает человеческое существо, в свое время выходящее из чрева к автономному личному существованию.

¹ J.-G. Frazer. The Belief in Immortality. L., 1913. Vol. I. P. 74.

Нами нынче крепко забыто значение того холмика, который насыпаем мы над могилой близкого человека. «Так принято» — скажем мы — и только. Но холмик этот — продолжение многотысячелетнего символического ряда, который тянется должно быть еще с эпохи палеолита. В огромных мегалитических курганах, насыпавшихся над галерейными гробницами, символ этот проявляется с редкой выразительностью.

Любой курган, любой, даже самый маленький могильный холмик, воспринимался как живот Матери-Земли, беременный новой жизнью. Жизнь, смерть и пища для неолитического земледельца являлись почти тождественными понятиями. Когда древний человек сам начал сеять зерно, перед ним во всей таинственной полноте открылась «жизнь через смерть». Зерно, посеянное в темноту земли, умерев для этого мира (его нельзя уже было использовать в пищу), через определенный срок выходило на свет колосом, который давал новую пищу, и соответственно жизнь тем, кто ел от него, перемалывая зерна, родившиеся от умершего зерна, выпекая из теста хлеб. В зернотерке и печи зерно вновь умирало, но через эту новую смерть, оно давало жизнь и силу человеку, вкушающему хлеб. А когда сам человек умирал, то он также ложился в землю, и те, кто сеяли это «семя», также уповали на входы жизни. Мать-Сыра-Земля, кормящая человека, принимающая в себе его тело, должна была и его возродить, подобно зерну, к новой жизни, столь же лучшей старой, сколь зрелый полный колос лучше одного, брошенного сеятелем зерна.

Образом готовящейся к рождению новой жизни для человека был, понятно, беременный материнский живот. Сначала таинственно в утробе матери вызревает новая жизнь, чтобы потом выйти на свет и обрести свободное существование. Этот замечательный символ, глубоко пережитый уже в палеолите, стал существеннейшим в мегалитической цивилизации. Европейские крестьяне чуть ли не до начала XX века называли снопы и скирды зерновых «Зерновой Матушкой».

Майкл Дэймс, исследователь одного из крупнейших мегалитических комплексов — Силбюри-хилл (Silbury Hill) в Юго-Восточной Англии (Уилтшир), указывал, что в неолитической Британии холм являлся образом беременного живота богини земли. «Земля, в которой хоронят людей, это — мать умерших. Целью строителей могил было наиболее полное уподобление могилы телу матери. Та же идея, как кажется, осуществлялась и при организации внутреннего пространства галерейной гробницы, погребальная камера которой и коридор, должно быть, представляли собой матку и влагалище».

¹ M. Dames. The Silbury Treasure. The Great Goddess Rediscovered. L., 1976, P. 30.

«Толстая дама» Мальты. Статуя из Хагар Кима

литических фресок Чатал Хююка и Хаджилара, находки на болгарском холме Пазарджик.

«Захоронение в утробе, — писала Мария Гимбутас, — аналогично семени, брошенному в землю, и потому вполне естественно ожидать появление новой жизни из прежней»¹. Всеобщая легенда о Хозяйке Горы, донесенная до русского ребенка сказами Бажова, является воспоминанием этой древней веры в рождающую к жизни и одновременно хранящую мертвых, утробу богини земли². Потому-то облик «Хозяйки Горы» двойствен — он и несет успех, счастье, и одновременно веет могильным холодом.

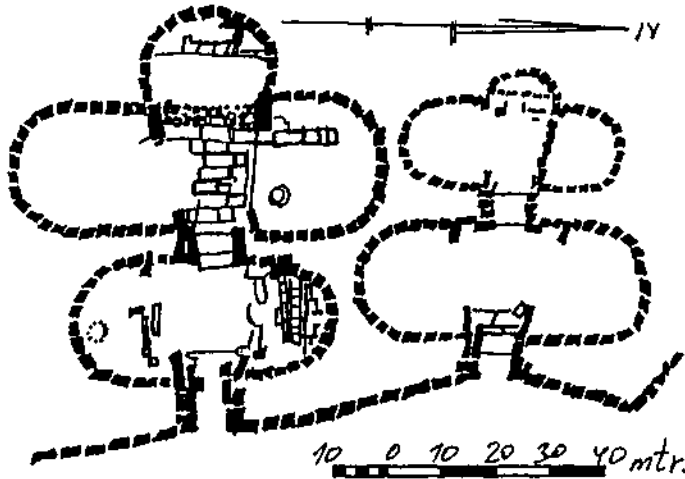
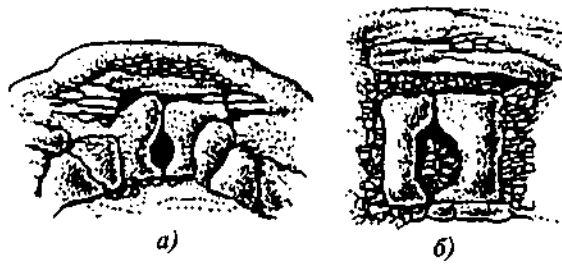
Вход в подземные гробницы и святилища мегалита обычно делался преднамеренно затрудненным, войти можно только согнувшись в три погибели или даже ползком. Как правило, такой вход делался круглой или слегка эллипсоидной формы в двух плитах, отделявших от внешнего мира коридор галерейной гробницы или гипогеума. По мнению большинства археологов так организованный вход с максимальной точностью воспроизводил наружные женские половые органы. Уподобление было не случайным и не несло никакого налета эротизма. Рождение из утробы Матери Земли дело столь же нелегкое, как и рождение ребенка из чрева матери на свет Божий. Это — «узкий путь» возрождения.

следовав рвы и
иные чуть заметные ны-
не сооружения вокруг
могильника Силбюри-
хилл, Дэймс обнару-
жил, что они воспро-
изводят формы полуле-
жащей или сидящей
на корточках очень
полной женщины, жи-
вотом которой явля-
ется курган-гробница.
Археологу эта колос-
сальная фигура живо
напомнила статуи и ста-
туэтки «толстых дам»
мегалитических свя-
тилиц Мальты, неолитических фресок Чатал Хююка и Хаджилара, находки на болгарском холме Пазарджик.

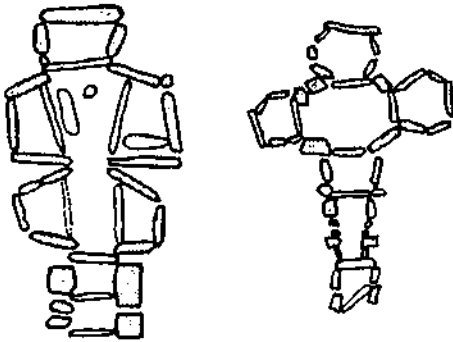
¹ M. Gimbutas. The Earth Fertility Goddess... 1987. P 21.

² H.P. Duerr. Traumzeit: Über die Grenze // Zwischen Wildnis und Zivilisation. Frankfurt am Main, 1978. S. 209.

Вульвообразное оформление входа в мегалитические гробницы Англии: а) Норис Тамп; б) Виллмидд Тамп

Храм на острове Гоцо (Гигангия, Мальта). План наземной части, напоминающий фигуру «толстой дамы»

Напоминающие в плане человеческую фигуру галерейные гробницы Ирландии. Графство Слайго, вторая половина IV тысячелетия до Р.Х.

Образ «толстой дамы» в оформлении мегалитических гробниц и храмов

Равно и живым должно было не без труда из своего мира для погребальных и ритуальных надобностей входить в глубины материнского чрева.

В средневековой Европе долго сохранялось представление, что пройти через пещеру насквозь горы или через сквозное дупло старого дерева — означает заново родиться, а спать в пещере — спать в утробе. С другой стороны, сонник Артемидора объясняет, что если привидится, что спишь с богиней — то, значит, скоро умрешь. Наши «куринные божки» — камни с дырками, которые так любят отыскивать дети, а потом носить на шнурке на шее — тоже отдаленное воспоминание о рождающей к новой жизни материнской утробе земли.

План многих скальных храмов-склепов Мальты, галерейных гробниц Британских островов и французского побережья Атлантики поразительно напоминает человеческую фигуру, нередко — фигуру «толстой дамы». При этом вход в такой храм-гробницу всегда соответствует месту органов размножения в человеческом теле. «Много трудов предназначено каждому человеку и тяжело иго на сынах Адама, со дня исхода из чрева матери их до дня возвращения к *матери всех*» [Сир. 40.1-2]. Эти слова еврейского мудреца эллинистической эпохи, Иисуса бен Сиры, доносят до нас древнейшее ощущение рождающей материнской утробы земли.

«СОВИНОГЛАЗАЯ БОГИНЯ»

Мать умерших продолжает жить в преданиях многих европейских народов. В латышских песнях ее зовут «матерью могилы», «матерью песчаного холмика» (т.е. могильного холма). В ее руках ключи от могилы и она приветствует умерших, вносимых через кладбищенские ворота. Она пляшет на могилах или впереди похоронной процессии¹. Балтийский фольклор, наверное, самый архаичный в Европе, сохранил интереснейшие черты древнего культа великой богини. Ворота кладбища — это вход в ее утробу, последний символ, оставшийся от узкой щели, ведшей в мегалитическую галерейную гробницу. Ключи от могилы — это возможность возрождения, победы над смертью, которая пребывает в руках самой богини смерти, вернее, в ее утробе, ибо она — мать, имеющая рано или поздно, но родить умерших. Танец на могиле, аналогичный знаменитой тандаве Шивы, разрушает смерть.

Иезуиты, проповедовавшие в Литве в XVII—XVIII веках, сообщали, что жмудь продолжает поклоняться Жемине, Матери-Земле,

¹ H. Biezais. Die Hauptgottinnen der Alten Letten. Uppsala: Almquist and Wiksells. 1955. P. 339.

которую считают владычицей мертвых, но одновременно именуют «цветущей» и «проращивающей почки деревьев». «О мать, я исшел из тебя, ты носила меня, нянчила меня и ты примешь меня вновь после смерти моей» — обращались литовцы к Жемине¹.

Это — то же самое существо, которое изображали в виде «венер» в позднем палеолите, в виде змееголовой женщины с ребенком на руках — в раннеолитических культурах Переднего Востока. Эпоха мегалита — это время своеобразного иконоборчества, когда человек с большой силой сознает совершенную неподобность божественного всему земному. Он избегает изображений также старательно как ориньякский охотник осваивал рисунок. В лучшем случае нам приходится довольствоваться символическими знаками и доведенными до геометризма стилизованными изображениями каких-то духовных существ. Однако одно изображение, тоже стилизованное, но все же вполне узнаваемое, встречается нас часто у входа в мегалитические усыпальницы. Это — изображение так называемой «совиноглазой» богини.

Полное изображение включает два круглых глаза, сходящиеся брови и клюв хищной птицы. Ниже изображаются груди и еще ниже закрученной спиралью — лоно богини, принимающее мертвых и рождающее их к новой жизни (см. рис.). Часто это изображение упрощается до «Т-образного» символа. Изображения эти известны с V тысячелетия до Р.Х. в Западной Европе. В середине IV тысячелетия они обнаруживаются на Переднем Востоке (Телль Барак, Сирия).

Откуда это странное изображение? О. Кроуфорд, посвятивший специальное исследование этой богине², предположил, что образом хищной птицы она наделена из-за обычая выставлять тела умерших на склевывание вплоть до очищения скелета от мягких тканей. Птицы, поедавшие труп, стали символами богини земли и смерти. находки Дж. Меллартом фресок Чатал Хююка, где как раз изображено поедание громадными грифами обезглавленных человеческих тел, свидетельствуют в пользу существования такого похоронного обычая в неолитическое время. В мегалитических гробницах Оркнейских островов многочисленны находки принесенных в жертву крылатых хищников — белохвостых орлов, воронов, сов. Безусловно, несъедобные и во многих религиях нечистые, эти птицы приносились в жертву в местах захоронений, поскольку они принадлежали «совиноглазой» богине, являлись ее воплощениями.

¹ *M. Gimbutas. The Early Fertility Goddess... 1987. P. 23. См. также: P. Berger. The Goddess Obscured. Transformation of the Grain Protectress from Goddess to Saint, Boston, 1985.*

² *O.G.S. Crawford. The Eye Goddess. L., 1957.*

а)

б)

а) подземное святилище. Наскальное изображение в притворе (р-н Парижа) IV—III тысячелетие до Р.Х.

б) Стела (остров Авен Мунье, Южная Франция) IV—III тысячелетие до Р.Х.

в)

в) кости пальцев фаланг с изображением «совиноглазой богини» (Альмизарак, Альмбрия, Испания). Начало III тысячелетия до Р.Х.

Изображения «совиноглазой богини»

Возможно, круглый, часто напоминающий колесо с втулкой и спицами, глаз богини и связь с ней больших хищных птиц обусловлены и иными символическими уподоблениями, о которых речь пойдет ниже, но связь с плотояднием — саркофагией также совершенно очевидна. Кельты по сей день именуют это существо Old Hag (Олд Хег) от древнекельтского «енгу», созвучного с самодским «Нга». Так поныне называют богиню смерти зауральские угры. От этого же корня происходит и наша Баба-Яга. Ее обязательный длинный отвисший нос, который «в притолоку врос» — ничто иное, как воспоминание о клюве хищной птицы; ее склон-

ность поедать «добрых молодцев» и «красных девиц», случайно оказавшихся в избушке на курьих ножках, — это саркофагия Матери-Земли, принимающей в себя умерших в превратившейся в избушку могиле, и, наконец, сова или филин, сидящий на плече Яги или на коньке крыши ее избушки — это священная птица «совиноглазой» мегалитической богини. Ирландские крестьяне рассказывают своим детям, что курганы полны камнями, выпавшими из передника Олд Хег¹. Так что древние предания и поверия Европы в причудливо сказочной форме живут и сейчас.

Изображения «совиноглазой богини» встречаются не только при входе в гробницы. Очень часто ее изображения наносились прямо на косточки фаланг пальцев умерших или на каменные палочки, имитирующие форму этой кости. Кажется, люди мегалита старались всеми способами приблизить к своим умершим эту богиню, уповав, что пребывание в ее чреве не продлится вечно. Пальцевая фаланга становится одним из образов богини и соответственно одним из символов новой жизни. Курганы иногда воспроизводят эту форму, как, например, Ярроу на Оркнейских островах (конец IV тысячелетия до Р.Х.). Живот Матери-Земли превращается в ее символ, не утрачивая при том своей значимости (см. рис. на с. 155).

Такое напряженное внимание к смерти кажется очень странным современному человеку, который, напротив, всячески старается избегать думать об этом неприятном «моменте» своего бытия. Подавляющее большинство из нас живет так, как будто бы жизнь наша никогда не пресечется. «Человек имеет достаточно мужества, дабы не думать о смерти» — сказал кто-то из наших современников. Но в действительности как раз все наоборот, нынешний человек не имеет довольно мужества, чтобы думать о смерти, хотя Олд Хег всегда рядом с ним. У древнего человека на такое думанье мужества хватало. Но это различие в отношении к жизни между древним и современным человеком приводит к тому, что почитание великой возрождающей утробы земли нашими мегалитическими предками их потомки объясняют так, как это понятней современному, живущему интересами этого мира, человеку: хотя в курганах, безусловно, хоронили умерших, но сами захоронения являлись средством «стимулирования плодородия земель и стад»; человек строил циклопические сооружения, надеясь с их помощью добыть больше пищи и родить больше детей.

Но, несмотря на то, что такое объяснение весьма импонирует современному человеку, оно глубоко неверно. *Строитель мегалитических сооружений тратил силы и время этой жизни, чтобы по-*

¹ A. Burl. Rites of the Gods. L., 1981.

лучить иную, посмертную жизнь, а не для того, чтобы наслаждаться этой. Причудливая, на наш вкус, «совиноглазая» богиня давала им такую возможность. Древние прекрасно понимали, что без матери родиться нельзя. Но им также было известно не хуже нашего, что для появления новой жизни одной матери недостаточно. В лоно матери должно попасть семя жизни. И этим семенем являлись сами умершие, вернее то в них, что не подвластно смерти. И не случайно с умершими в могилу клали «круглых идиолов»; им возводили менгиры; их в предельно обобщенной форме изображали на стенах гробниц (дольмен Сото, Испания).

Смерть и в эпоху мегалита, видимо, соединялась в умах людей с расставанием, разлучением души и тела. Не случайно так часты в гробницах Северо-Западной Европы стилизованные изображения кораблей, в которых сидят люди. Иногда эти корабли имеют змеиную голову, а змея, змееголовая женщина — излюбленный образ «того», потустороннего, подземного мира, мира мертвых. Текучая, бесформенная стихия воды из всех земных вещей наиболее близко отражала идею неформленности, хаотичности. Вода казалась противоположностью четко структурированному земному миру, где все имеет определенные, ясно видимые очертания. Поэтому вода и соединялась с образом смерти, как переходом из мира тел в мир духов. Но океан небытия умерший должен был благополучно миновать, дабы прийти к новому бытию, а так как водную стихию обитатели прибрежий и островов Атлантики и Средиземного моря издревле научились преодолевать на борту корабля, то и мертвых своих помещали они в корабли, на которых они безопасно пересекут стихию посмертного небытия. Волнообразный орнамент стен гробниц, склонность располагать захоронения на маленьких прибрежных островах или, если это невозможно, на берегах озер — все это попытки отразить пучину смерти, которую, как ни трудно, но необходимо преодолеть.

Однако человек сам по себе, являясь чадом Матери-Земли, уходя в нее, не мог иметь сил пересечь эти страшные воды смерти, поскольку все земное, перстное, подвержено распаду, тлению, хаотизации. В нем самом должно было иметься неистребимое семя жизни, которое обеспечит возрождение по ту сторону смерти. Мать-Земля, хранящая мертвецов в своей утробе, сама не могла дать это семя, но, как и у каждого ребенка, рождающегося на земле, у умершего кроме матери был еще и Великий Отец, неуничтожимый, вечный податель жизни, создатель мира и устроитель вселенной. Именно это семя вселяло надежду на возрождение и человека и всего материального мира.

Но как представляли себе этого «Великого Отца» люди мегалитической цивилизации?

ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ

Да и был ли он вообще известен в то время, этот великий податель жизни? Распространившиеся в последние десятилетия нашего XX века с новой силой феминистические настроения отразились и на истории древнейших религий. Признанный авторитет в области неолитической религии Мария Гимбутас вновь ввела в 1980-е годы в научный круг идей представление о матриархате, как об эпохе, предшествовавшей времени, когда главой и рода и племени считался отец. «Плодородие, — писала она, — это не главная функция доисторической Богини-Творительницы, и она не имеет ничего общего с областью сексуальности. Богини, которых мы можем воссоздать, по преимуществу были творительницами жизни, а не венерами, не красавицами, и уж совсем наверняка они не являлись женами мужских божеств. Богини эти были созданиями эры матриархата»¹.

Еще не так давно палеантропологи предполагали, что древние не ведали связи между совокуплением и беременностью, что они якобы пребывали в наивной уверенности, что женщины беременеют сами по себе. В настоящее время, когда известны уже среднепалеолитические фаллические символы жизнедательности (Зальцфен, Австрия) и во множестве верхнепалеолитические, эти домыслы никем не воспринимаются всерьез. А коли так, то на чем основаны предположения, что Мать-Земля, в отличие от земной женщины, должна была считаться не утробой, где «голое семя» превращается в новую жизнь, но «творительницей жизни»?

Вопрос этот имеет значение, далеко выходящее за границы модных феминистских увлечений. Дело в том, что дети обязательно должны быть подобны своим родителям и их предкам. Человек не может родить птицу, а птица произвести на свет майского жука. Если земля способна рождать сама, получив только земное семя, подобно тому как из зерна проращивает она колос пшеницы, то тогда положенный в землю умерший может надеяться только на новое рождение на этой же земле. Иной жизни, кроме земной, он не обретет, как не обретает и зерно жизни вне круга сева, жатвы, молотбы, хранения в амбаре и нового сева. М. Гимбутас и высказывает такое убеждение, когда пишет, что неолитические земледельцы не чаяли ничего иного кроме нового рождения на этой же земле, под этим же небом, то есть мечтали лишь о вечном круговороте природного земного бытия.

Но в таких воззрениях для религии не остается места. Ведь религия — это связь. А с чем связан человек в вечном круговороте рождений и смертей? «Земля собирает мертвых в свой загон. Царство

¹ *M. Gimbutas. The Earth Fertility Goddess... P. 11.*

мертвых, как правило, располагается под землей. Судьба этих мертвецов не завидна. Их единственная надежда в том, что они родятся вновь из утробы Матери-Земли» — писал Мирча Элиаде, реконструируя представления древнего человека о жребии умерших¹. Однако если за возрождением следует новая смерть и новое «незавидное состояние», то все вообще бытие человека становится тягостным кошмаром.

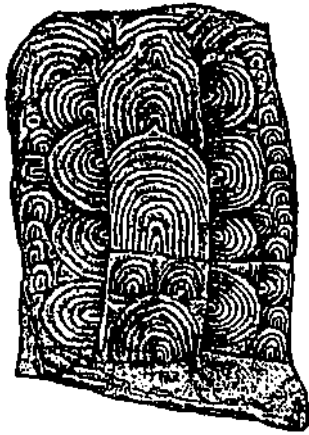
Впрочем, скорее всего древний человек мыслил себе возрождение в мир, неподобный земному и ощущал, что у него есть не только Мать-Сыра-Земля, но и Небесный Отец, который примет дочь или сына, после возрождения в свои обители. Мы уже реконструировали эти представления по памятникам неолита Переднего Востока, не менее убедительно обнаруживаются они и в мегалитической цивилизации Европы.

Мария Гимбутас обратила внимание, что курган, символический образ беременного живота земли, часто имеет пуп на своей вершине. Нередко встречаются и изображения, которые можно идентифицировать как курган-живот с омфалом (пуп *ᾠμφάλος* — греч.). Но увлеченная идеей матери — самотворительницы, она не придавала значения очень простому и ясному образу — направлению омфала. Пуповина, как известно, соединяет ребенка в чреве с телом матери. Воспроизводя эту реалию, древние создатели гробниц должны были как-то соединить погребальную камеру с толщей земли. Но сделали они нечто противоположное. Омфал всегда направлен вертикально вверх. Он высится над курганом, он устремляется к небу. И на изображениях мы видим такой же, вытянувшийся вверх омфал (залив Морбиан, Бретань) или даже курган с омфалом, из которого вверх, в небо, расходятся волнистые линии (Иль Лонг, Ле Мустуа и др.).

Пуповина всегда символизирует органическую и жизнедеятельную связь (без нее не смог бы жить ребенок во чреве). Поскольку трудно представить, чтобы в человеческом сознании жила мысль о том, что земля, полная мертвецов, питает небо, остается согласиться на единственную иную возможность — Небо призвано было питать землю и лежащих в ней.

В Европе холмы с камнями на вершинах оставались объектами поклонения вплоть до XX столетия. Камни эти большей частью естественного происхождения, но кое-где на холмах и курганах специально устанавливались менгиры. С другой стороны, среди балтов по сей день распространен обычай во время жатвы оставлять несжатые колосья на вершине холма. Рожь, оставшуюся не

¹ *M. Eliade. Patterns in Comparative Religion. 1958. P. 250.*

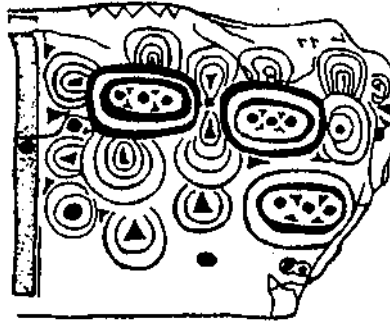
a)

**Пуповины — изображения
на памятниках мегалита**

a) изображение на плитах гробницы Гаврини. Морбиан, Бретань; б) изображение в гробнице Иль Лонг; в) орнамент бордюрного камня кургана Ньюгрейндж. Мит. Ирландия

б)

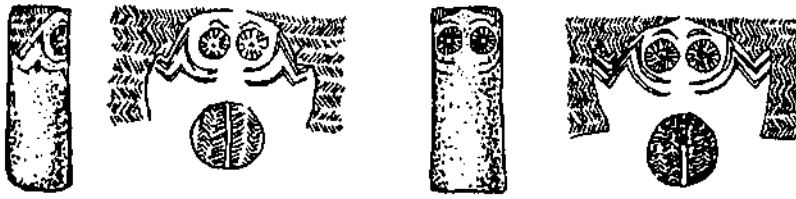
в)

сжатой, крестьянин завязывал в узел¹. Узел этот именуют «пуповина холма». В литовских селах земледелец, сжавший рожь на вершине, презрительно прозывается обрезывателем пуповины (то есть он как бы лишает землю живительных соков Неба и убивает ее). Напротив, завязывание колосьев-пуповины означает состоявшееся рождение.

Простейший опыт земледельческой жизни говорил неолитическому человеку, что для прорастания семени потребна и земля и солнце. Не будь несущих живительные тепло и свет солнечных лучей, семя так бы и сгнило в земле. И если Мать-Земля хранила в своем чреве усопших, то «прорасти» к новой жизни могли они не иначе, как под воздействием живительной божественной силы, приходящей свыше, которую древние так часто, и так удачно символизировали солнцем.

На замковом камне галерейкой гробницы Ла Табль де Маршанд (Бретань) нас встречает совершенно египетский знак — круг с че-

¹ L. Neuland. Jumis die Fruchtbarkeits gottheit der alten Letten // Studies in Comparative Religion. Stokholm: Almqvist & Wiksell. 1977. P. 53.

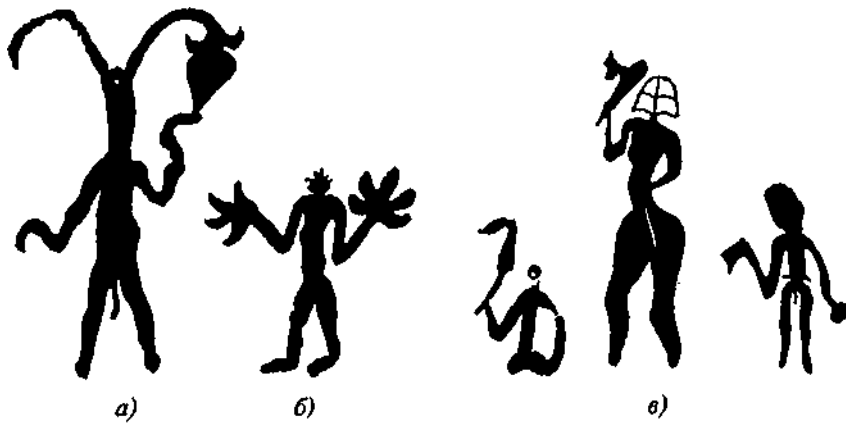

Мраморные цилиндры из гробниц Морон де ла Фронтера (Испания) с изображениями «совиноглазой богини». Начало III тыс. до Р.Х.

тырьмя орлиными крыльями. Глаза «совиноглазой богини» там, где это позволяют художественные средства, изображаются в виде колес с втулкой и спицами. Колеса — универсальный индоевропейский символ солнца. Не являются ли эти «портреты» Олд Хэг напоминанием ее неразрывной связи с небесным миром, когда глаза земли устремлены к солнцу, отражающемуся в них? А большие крылатые хищники, которых приносили в жертву «совиноглазой» богине, может быть и они своим парением в небесной выси напоминали человеку мегалита чаемую цель его загробных странствий?

На менгирах и дольменах часты изображения солнца. Например, на дольмене Гранья де Тонинуело оно изображено пять раз. В Бачьинето есть мегалитический рисунок человека с огромными, поднятыми разлапистыми ладонями и с лучами вокруг головы. Подобные рисунки, сделанные на тысячу лет позднее (в начале II тысячелетия до Р.Х.) в Швеции однозначно изображают небесное божество, руки которого, напоминающие солнца с расходящимися лучами, свидетельствуют о создателе жизни, о Творце.

Особенно примечательно существо, начертанное на стене пещеры Лос Летрерос (Алмерия, Испания) (см. рис. на с. 171). Человеческая фигура с огромными изогнутыми рогами, с серпами в обеих руках и с четко нарисованным фаллосом, чтобы не оставалось сомнений в его мужской природе. Рога заставляют вспомнить иконографию небесного Бога-Творца в верхнем палеолите и переднеазиатском неолите. Он, Бог, дающий семя жизни, которое принимает и до времени растит в своем лоне земля, но которое в урочный час она родит Отцу. Серпы же и вовсе напоминают известный евангельский образ — «Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю... и земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе; когда же созреет плод, немедленно посылает *серп*, потому что настала жатва» [Мк. 4. 26-29].

Изображения Небесного Отца

а) божество с серпами. Пещера Лос Летрерос (Алмерия); *б)* «Солнечный человек» из Бачинето (Испания); *в)* ритуальные изображения человека или Бога с топором (культура Алмерия, Испания)

Проясняет верхнепалеолитические образы Небесного Бога и осколок медного блюда начала III тысячелетия до Р.Х. из Лас Каролинас (Испания). На блюде выгравированы пышнорогие олени о шести ногах каждый, над которыми сияют солнца. Скорее всего, это остаток предмета, использовавшегося в ритуале, видимо для подношений жертв Небесному Богу. Олень и до сего дня у народов Евразии считается животным солнца. У коренных жителей Сибири особенно чтится белый олень, которого дважды в год приносят Богу-Творцу Нуну. Шестиногие же олени и кони в современной шаманской практике — особые духовные существа, переносящие колдуна в небесный или подземный мир. Совсем не обязательно, что у мегалитических обитателей Испании шестиногое животное тоже было связано с колдовством. Скорее, они были образом неотмирности и стремительности божественных животных, и образ этот наследовал и переосмыслил шаманизм.

Но еще чаще, чем солнце, встречается в мегалитическом ритуале изображение или модель каменного боевого топора. В искусстве испанской Алмерии муж с топором в правой руке — очень частое явление. В Атлантической Европе, в Северной Германии, Скандинавии под основания святилищ, под жертвенники, менгиры закапывались настоящие боевые каменные топоры или их миниатюрные копии, но всегда в одном и том же положении — лезвием вверх, к небу, к солнцу. «Символика топора, безусловно, по своей природе

религиозна, — указывает Дж. Марингер, — она часто появляется на скальных рисунках и на стенах дольменов; еще чаще находки миниатюрных каменных топоров, которые определенно являлись амулетами или жертвенными дарами. В неолитической Западной Европе топор был символом Неба, или, более точно, перунов, бросаемых на землю Небесным Богом»¹.

Перун, молния не были тогда только знаками божественного гнева, хотя в боевом топоре видимо есть знак строгого божественного суда и неодолимой силы. Молния зримо соединяла небо и землю. Если огни жертвенных костров поднимались с земли к небу, то жертва небесная в пламени и раскатах грома из мира небесного устремлялась к земле. В небесном огне жители мегалита может быть видели путь восхождения от земли на небо, открытый для тех, кто достаточно потрудился над своим спасением во время земной жизни.

В Кермарио (Kermario), близ Карнака (Бретань) на основании огромного менгира выгравированы пять стоящих на хвостах змей. Когда в 1922 г. под менгиром были проведены раскопки, то нашли в земле пять же повернутых лезвиями к небу топоров. Все это явные знаки того, что из земли, подобно ее обительницам змеям, люди мегалита мечтали подняться к небу по молнии божественного огня. Кстати, до сих пор в Германии существует поверье, что для сбережения дома от молнии в его основание хорошо заложить топор.

«Пять топоров из Кермарио, безусловно, являющихся жертвенными дарами, — писал по поводу этой находки Дж. Марингер, — свидетельствуют о поклонении Небесному Богу как подателю жизни, а также о том, что Его почитание проникло в заупокойный ритуал, имевший такое большое значение во времена мегалита».

Принимая во внимание верования и образы раннеписьменных народов середины III тысячелетия, то есть очень близкие по времени строителям неолитических гробниц, нельзя не обратить внимание на скальные рисунки из Пала Пинта де Карлао (Pala Pinta do Carlao, Португалия), изображающие солнце, луну и звезды. Красные скалы, на которых были выбиты эти рисунки, почти наверняка являлись «стенами» мегалитического святилища. Звезды и в египетских «Текстах Пирамид», и в ведах — это пребывающие на Небе, с Богом умершие праведники, представляющиеся с земли «звездами негибнущими».

В рисунках из Пала Пинта мы видим победивших смерть, уже родившихся из утробы земли умерших, пребывающих с Небесным Богом жизнедателем в вечном мире нескончаемой жизни. Это —

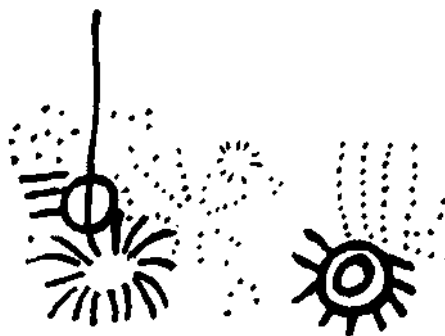
¹ *J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... P. 170—171.*

² *J. Maringer. Ibid.*

Изображения небесных светил

(Пала Пиита де Кярлао)

цель и конечное упование мегалитического человека, ради чего и предпринимал он невероятные труды по строительству колоссальных святилищ и гробниц.

Ориентация гробничных входов также свидетельствует о твердой надежде обитателей западноевропейских побережий на получение наследства своего солнечного небесного Отца. Большинство галерейных курганов, пирамидных и скальных гробниц ориентируются выходом на две точки: место восхода солнца или луны в день зимнего солнцеворота (21—22 декабря). Этот день, отпечатанный для христиан в празднике Рождества Христова, издревле имел огромное значение в религиозной символике. После полугодия умирания света и усиления сил ночи и тьмы, после летнего плодоношения, осеннего увядания и первых, особенно жестоких, холодов ранней зимы солнце «поворачивает на лето». Пусть впереди еще два холодных зимних месяца, пусть ночь еще длиннее дня, но солнце с каждым разом поднимается все выше над горизонтом, все дольше, все теплее пригревают его лучи. И вот — уже тает снег, набухают и лопаются почки, распускаются примулы и подснежники. Жизнь победила смерть, свет одержал верх над тьмой, пассивная стихия земли разбужена живительными лучами солнца. В этом естественном природном цикле, радующем и нас, большей частью городских жителей, земледелец пятого тысячелетия до Р.Х. видел величайшее знамение того, что смерть временна, как зимние холода и безжизненные, голые ветви, что наступит светлый день победы, и умершие встанут из своих могил, выйдут из темной утробы Матери-Земли к свету вечного дня и к нескончаемой жизни с Тем, Кто дал им семя божественной жизни.

Более редкая ориентация на восход луны в день зимнего солнцеворота связана, видимо, с представлениями о луне, как о «солнце мертвых». Возможно, луна уже в то время начинает ассоциироваться с землей, с Великой Матерью, поскольку она, луна — ночное светило, ежедневно побеждаемое солнцем и еженощно замещающая его после вечернего заката. В раннеписьменных культурах Месопотамии и Египта, Ханаана и, почти наверняка, минойского Крита — луна — знак и символ Великой Богини, Исиды, Астарты,

Инаны, Семелы—Артемиды. Олд Хэг—«Белая Дама» также соединяется с луной в эпосе кельтов. Восход луны в день поворота на лето солнца — ясный образ брака Неба и Земли, который и обеспечивает земнородным небесное семя, залог победы над смертью, открывающее им горный путь в раскатах грома и блистаниях небесного огня.

Кромлехи, кругом стоящие менгиры, — это, безусловно, символы солнца, а, следовательно, и святилища Небесного Бога. Знаменитый кромлех Стоунхенджа, достаточно хорошо сохранился, чтобы ясно видеть его ориентацию на точку солнечного восхода в день зимнего солнцеворота. Именно в этот день первый луч восходящего светила, проходя между двумя рядами серо-голубых гранитных монолитов, падал на камень главного жертвенника. Бесчисленные захоронения вокруг Стоунхенджа и подобных ему кромлехов ясно показывают, на что надеялись, чего искали безвестные их строители.

Наивные попытки современного сциентизма объяснить мегалитические памятники астрономическими интересами их создателей¹, столь же неубедительны, как и отражающие ценности господствующего ныне общества потребления интерпретации этих циклопических сооружений, как магических средств повышения плодородия. Столько сил, сколько тратили обитатели мегалитической Европы на создание стоунхенджей, ньюгрэнджей или бретонских аллей менгиров, можно было тратить только на главнейшее в жизни. И все, что мы знаем об этих наших давних предках, весьма убедительно свидетельствует, что не голый научный интерес астронома, и не корысть земледельца, но жажда вечности и бессмертия побуждали их возводить гробницы и храмы, по сей день поражающие человека своей громадностью и «неотмирностью».

«Да, может быть мы всю жизнь живем, чтобы заполучить могилу. Но узнаём это только подходя к ней: раньше и на ум не приходило» — писал в «Уединенном» В.В. Розанов. Шесть—семь тысяч лет назад люди постоянно сознавали эту странную сегодня мысль и не ленились жить в соответствии ей.

КОНЕЦ МЕГАЛИТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Одним из удивительных знаков, появляющихся в эпоху мегалита, оказывается знак креста. Очень часто галерейные гробницы делались из двух пересекающихся под прямым углом коридоров —

¹ *A Thom. Megalithic Remains in Britain and Britany. Oxford, 1979. Так же: M. Brennan. The Stars and the Stones: Ancient Art and Astronomy in Ireland. L, 1983.*

Знак креста в мегалите:

а) человеко-крест (Алмерия); б) крест-идол из Иберии (IV тысячелетие)

одного длинного, открывающегося входом, и иного, маленького глухого. Точка их пересечения, находившаяся под вершиной насыпного кургана делалась в форме залы под консольным сводом, а на вершине кургана в этом месте стоял менгир или лежал камень. Знак креста встречается нам

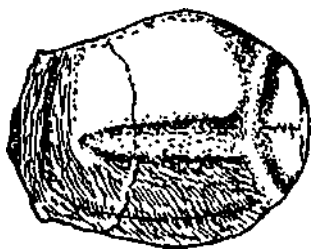
и на рисунках Алмерии — это кресто-человек с топором. Может быть, крест — это предельно схематизированная человеческая фигура, а может быть знак соединения земли (горизонтальная линия) и Неба (вертикаль)? Как бы то ни было, но в Египте начала III тысячелетия до Р.Х. крест (анех) — знак вечной жизни, главный символ божественности. И у нас есть все основания предполагать, что в гробницах мегалита крест появляется вполне целенаправленно, как таинственный символ победы жизни над смертью.

Но судьба самой мегалитической цивилизации, как, впрочем, и судьба всего человеческого, не была столь же триумфальной. Существовавшая в VI—III тысячелетиях до Р.Х., она полностью исчезает во II тысячелетии, в эпоху металла. Когда Юлий Цезарь пришел в Галлию, он встречал только кровожадных друидов, не чуравшихся человеческих жертвоприношений, да странные предания о древних великанах, возводивших грандиозные сооружения. Мегалитическая религия уже умерла, хотя ее образы и символы в сказочной или колдовской одежде дожили до наших дней.

Но и в века своего расцвета мегалитическая культура отнюдь не охватывала всю Европу. Рядом со строителями дольменов и кромлехов жили люди иного склада, вовсе не интересовавшиеся приложением трудов к победе над смертью. Нельзя сказать, что их материальная культура была менее развита. Быт крестьян Центрального Массива Франции, швейцарских Альп и Южной Германии ничем принципиально не отличался от строя будничной жизни неолитических земледельцев Бретани, Англии, Ирландии, Португалии, Мальты.

Быт не отличался, а вот верования отличались существенно. Среди жителей Центральной Франции и поселенцев на берегах альпийских

Женский гравированный череп из Conflans-Sainte-Honorine

озер широко распространено было людоедство. Судя по тому, что человеческие кости потом превращались в амулеты, каннибализм имел, видимо, ритуально-магический характер. Коллективные захоронения в Шамбланд (у Женевского озера)

и Бавендорф (Центральная Германия), говорят о том, что в этих местах практиковались умерщвления жен и детей при похоронах главы рода. В сердце континентальной Европы топор отнюдь не был только религиозным символом Небесного Отца — жестокие раны от боевых топоров на скелетах мужчин указывают на иное его применение. Изредка встречающиеся здесь маленькие дольменчики намекают на попытки заимствовать элементы заупокойного ритуала у своих прибрежных соседей. Но делалось это от случая к случаю и без большого рвения, если судить по размерам сооружений.

В Центральной Франции встречается и еще один знак, свидетельствующий о религиозных связях атлантической Европы с внутренней. Здесь, в Конфлан сен-Оноран, обнаружены женские черепа, над обладательницами которых при жизни осуществили очень болезненную операцию. На черепной крышке, то ли через кожу, то ли после скальпирования, был выгравирован знак «совиноглазой богини». Женщины жили после этой операции еще достаточно долго, чтобы выемки черепной кости успели затянуться костной тканью. Принадлежат ли эти черепа жрицам богини, или женщинам, давшим обет ради избавления от бесплодия, мы не ведаем. Но такие черепа встречаются там, где не встречаются настоящие мегалиты, и где верования прибрежных народов превращались в магические суеверия.

В районах классической мегалитической цивилизации мы не находим ни следов каннибализма, ни признаков безусловных человеческих жертвоприношений. Только одно позднеолитическое захоронение в Лос Мурэлагос (Гранада) заставляет предполагать насильственную, хотя скорее всего и добровольную смерть двенадцати женщин вместе со своей увенчанной золотой диадемой госпожой. Но главное, что отличает мегалитическую цивилизацию от соседних, — это сами «большие камни». Именно они лучше всего иного свидетельствуют нам о духовном порыве, о сосредоточении их строителей, жаждавших победы над смертью. Соединенный с магизмом, довольно элементарный погребальный обряд внутренней Европы указывает, что для ее жителей потусторонние ценности посмертного существования не имели сущест-

Мать и дитя.

Чуть ли не первое в мировой живописи изображение матери с младенцем. Надгробный рисунок над кремированными останками молодой женщины и ребенка. Дольмен Сото (Испания)

венной значимости. Ведь на что направлены основные силы человека — в том и состоит цель его жизни.

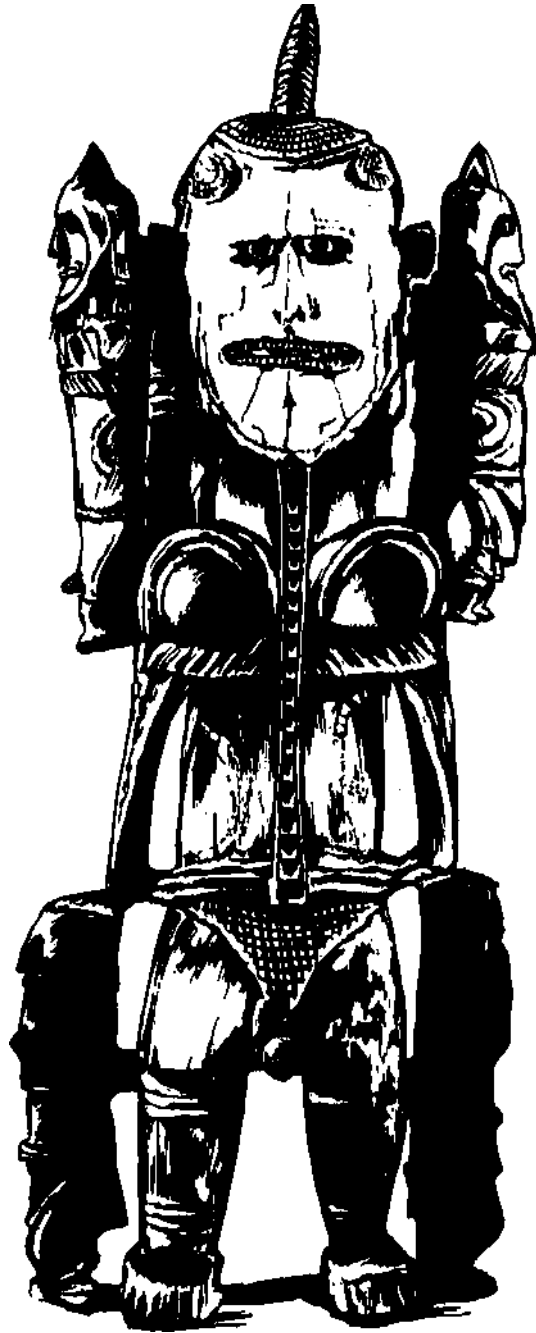
Но почему же пресеклась эта цивилизация? Почему перестали возводить кромлехи и дольмены? Куда исчезло безусловное внимание к человеку, как к наследнику вечности, замечаемое уже у неандертальца и вполне сохраняющееся у строителей мегалитов, хоронивших маленьких детей и женщин не менее заботливо, чем мужчин, и подаривших, кстати говоря, нам на одном из камней дольмена Сото (Испания), прекрасное надгробное изображение матери с младенцем?

Можно предположить, что постоянное усилие к победе над смертью, затрата огромных сил на возведение храмов и святилищ оказалась невмоготу небольшим общинам атлантических побережий. Люди объединяли свои усилия добровольно, повинувшись зову веры. Но в какой-то момент человеческое желание строить себе вечность стало ослабевать... А, может быть, мегалитические строители стали все яснее сознавать, что следует для победы над смертью умножить усилия и возводить еще более грандиозные святилища, компенсируя этим собственную, человеческую некачественность? Но на это их маленьким вольным общинам просто не хватало сил.

В средиземноморско-атлантическом мире Старого Света наступал очередной великий духовный кризис. Строители мегалитов выйти из него не сумели и, забыв о возвышенных целях отцов, растворились среди жившего легкой магической жизнью населения внутренней Европы. Но выход, как всегда, имелся. И на этот раз он был в соединении сил многих общин в единый религиозно-политический организм и в выделении из числа народа такого лица, на котором мог бы быть сконцентрирован религиозный ритуал. Такая организация и четкая «фокусировка» сил народа давала надежду на избавление от все более гнетущего человека бремени сознания неподобия себя своему Небесному Отцу. Бремни, которое современные религии именуют «грехом», воздвигающим преграду на пути от земли в Небо.

Но в другом уголке Старого Света, на землях «Плодородного Полумесяца» и в долине великого Нила этот ответ был найден. Здесь на грани IV и III тысячелетий возникают государства, сведенные воедино личностью царя. Факел веры не угас, но разгорелся еще ярче, перейдя в новые руки.

Предок Рода. Статуя, дерево.
XX век. Новая Ирландия.

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ВНЕИСТОРИЧЕСКОГО
ЧЕЛОВЕКА**